

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА:

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН: ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ПАМЯТЬ

Тема заглавной рубрики журнала и содержание раздела «Хроника научной жизни Юга России» связаны со 100-летием со дня рождения выдающегося мыслителя, писателя, гражданина нашей страны А. И. Солженицына, отмеченным в декабре 2018 года. Масштаб этого события подчеркнут Указом Президента Российской Федерации (от 28 июня 2014 г., № 474) об организации празднования юбилея известного на весь мир общественного и культурного деятеля, одной из ключевых фигур в истории XX века.

Широкое по охвату проблем, философски насыщенное наследие лауреата Нобелевской премии (1970), академика РАН Александра Исаевича Солженицына многогранно. Исследователи спорят о том, что признать главным, преобладающим: талант историка, эмоции и мысли неравнодушного свидетеля современности, харизму политического деятеля, незаурядный публицистический дар, способности драматурга, стихотворца, создателя масштабных эпических полотен... Массив созданной этой титанической личностью по праву входит в золотой фонд отечественной культуры. Освоение его творчества первостепенно значимо как вклад в развитие нашего общественного самосознания.

Эпоха неоднократно испытывала Александра Солженицына на прочность и человечность, на веру и любовь к своему отечеству. Достоинно пройдя девяностолетний жизненный путь, он дал пример душевной стойкости и целостности. По глубине отображения перипетий войны и мира, вопросов гуманизма, проблем религиозной и светской этики позиция Солженицына сравнима с позицией Льва Толстого. Помещенная в журнале подборка статей о творчестве писателя прослеживает литературные и жизненные истоки, служившие формированию бесстрашной и стойкой, предельно честно мыслящей личности.

Немаловажные этапы жизненного пути писателя непосредственно связаны с Югом России. Место рождения – Кисловодск, где теперь есть памятник писателю и мемориальный музей. Под городом Новокубанском Краснодарского края расположено бывшее имение Захара Федоровича Щербака, предков Солженицына по материнской линии. Там прошли самые светлые годы детства и юности Таисии Захаровны, туда она привозила своего маленького сына. По ранним детским впечатлениям, говорил Александр Исаевич, от дедовского особняка и парка в душе навсегда осталось чувство высокого. Годы школьной и университетской учебы Солженицына прошли в Ростове-на-Дону: «У меня очень много связано с каждым ростовским камнем», – признался он в 1994 г. на встрече со студентами Ростовского государственного университета.

Вопрос о музеефикации «мест памяти», непосредственно относящихся к южным страницам биографии писателя, расширен за счет опыта других регионов, в частности, комплекса музейных объектов, созданного в Солотче и связанного с рязанским периодом его жизни. В центре внимания – вопрос о расширении возможностей общественно-музейной сферы за счет сочетания современного культурного туризма с просветительским потенциалом таких традиционных форм как выставка произведений искусства, библиотека книг о писателе и пр.

Детальное изучение и освещение этапов биографии выдающегося человека – серьезный стимул культуры памяти, влияющий на культурное самосознание, упреждающий наше гражданское и художественное развитие. Юбилейные события, несомненно, послужат более вдумчивому чтению, популяризации, дальнейшему научному освоению творчества А. И. Солженицына.

Редактор специальной рубрики Е. Ю. Третьякова

АМИРХАНЯН Анаит Михайловна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Армянского государственного педагогического
университета имени Х. Абовяна,
Ереван, Республика Армения

Anahit M. AMIRKHANYAN

Cand. Sci. (Russian Literature; Literature of the Peoples of the USSR),
Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature,
Armenian State Pedagogical University,
Yerevan, Republic of Armenia
amirknan@yahoo.com

**А. И. Солженицын и Л. Н. Толстой:
этатистские категории
в свете христианских ценностей**

В статье рассматривается социальная проблематика в произведениях А. И. Солженицына и Л. Н. Толстого, суть их подхода к взаимоотношениям институтов власти и человека. Этатизм и роль социума в истории, противоречия в укладе общества и государственном устройстве всегда интересуют писателей-реалистов. По этой причине во все времена не теряют остроты и актуальности сюжеты о противостоянии и сопротивлении, об утверждении христианских ценностей. Поднимавшие эту проблематику и никогда не бывшие равнодушными к вопросу о том, что присущие человеческому разуму идеалы и ожидания зачастую вступают в противоречие с реальной действительностью, А. И. Солженицын и Л. Н. Толстой оказывались под пристальным вниманием читателей всех социальных групп и слоев населения.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, Л. Н. Толстой, эпические произведения, публицистика, государство, власть, человек, социум, этатизм, время.

**Alexander Solzhenitsyn
and Leo Tolstoy: Statist Categories
in the Light of Christian Values**

The article deals with social problems in the works of A. I. Solzhenitsyn and L. N. Tolstoy, the essence of their approach to the relationship between the institutions of power and human beings. Writers-realists are always interested in the contradictions in society and state structure, problems of statism and the role of society in history. This is the reason why at all times plots dealing with confrontation and resistance, with the affirmation of Christian values, do not lose their sharpness and relevance. The readership of A. I. Solzhenitsyn and L. N. Tolstoy, which came from different social groups and segments of the population, have always put the important issues the writers dealt with under close scrutiny. These writers were never indifferent to the problems of realism, where ideals and expectations inherent to the human mind have always come into conflict with real world.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, Leo Tolstoy, epic works, journalism, state, power, man, society, statism, time.

Изучение прошлого – лучший учебник для будущих поколений. Повествуя о корнях духовности, о вере и готовности людей строить будущее, история учит не просто созидать, но и, ради вселенской справедливости, ломать сложившиеся стереотипы. Подсказки об этом по праву «старшего» и, следовательно, мудрого времени, мы черпаем, в том числе, и из произведений писателей, затрагивавших вопросы о том, что мешает народам идти дорогой справедливости и любви во имя сохранения жизни, гуманизма и мира.

Литература в лучших, классических своих образцах ничего не навязывает, а отражает дух эпохи; не выступает против, а показывает противоречия на примерах современности. Проследивая пути воплощения и развития социальной проблематики в художественных произведениях и публицистике А. И. Солженицына и Л. Н. Толстого, мы убеждаемся, насколько точны слова Луи Морота, назвавшего свои воспоминания о Льве Толстом «Душа эпохи».

В феврале 1905 г. осуществилась мечта этого испанского журналиста повидать яснополянского мыслителя, он подробно записал состоявшуюся беседу. «Каждое столетие имеет свою проблему в истории человечества», – сказал Мороту Толстой [4, с. 316].

Отразившиеся в объективе литературы XIX–XX вв. взаимоотношения разных социальных слоев подтверждают, что, хотя правила мироустройства диктуют власть имущие, общественное бытие пронизано реальными событиями, спорами о прошлом и будущем, идеей противоборства несправедливой власти. Литература как вид искусства одной из первых в череде творений человечества зачастую попадает под пристальный государственный контроль и строгую цензуру, подвергается преследованиям. Вмешательство идеологии государственных структур во все сферы интеллектуальной деятельности, влияние этатизма на социальную жизнь, стремление подчинить все политическим (и экономическим) интересам государства, организовать тщательный контроль не могут не волновать писателей. Однако общей для Солженицына и Толстого мыслью является то, что навязывание ценностей, удобных государству, как пра-

вило, недолговечно. Оба эти автора как нельзя лучше показывают, что публичная власть тем самым противопоставляет себя власти общественной; и социуму, рано или поздно, предстоит исправить ошибки, препятствующие поступательному движению истории.

Л. Н. Толстой как один из властителей умов XIX столетия, автор всемирно известных романов, повестей, рассказов, острых и злободневных статей не был любим царской властью. Он обращался к самым болезненным, животрепещущим темам своего времени, осуждал строй, привычки, традиции, «не мог молчать» о несправедливости. Его общественно-политические взгляды расшатывали устои власти и в какой-то мере были созвучны революционным идеям, хоть он и не разделял взглядов революционных демократов, особенно по крестьянскому вопросу. У представителей различных социальных групп также не было единого мнения о творчестве Толстого.

Недовольство деятельностью писателя выражала и церковь. Идейный разрыв с официальной церковной доктриной, начавшийся у Толстого в конце 1870-х и углублявшийся на протяжении последующих лет его жизни, лишь усиливал его убежденность в том, что сущность религии иная – лучше всего она, по убеждению писателя, выражена в Нагорной проповеди. В эти годы Толстой становится активнейшим публицистом (статьи «О жизни», «О голоде», «Пора опомниться!», «Стыдно» и др.) и религиозно-философским мыслителем («Исповедь», «Соединение и перевод четырех Евангелий» и др.).

Церковь как властная структура также имела свои правила наказания: по регламенту, принятому еще в 1720 г., применялись две формы отлучения – великое (анафема) и малое (отлучение, запрещение) [1, с. 24]. Несмотря на известность «великого Толстого», на его огромное влияние и признание в обществе, Русские православные иерархи, пользуясь своей неограниченной властью, с конца 1880-х гг. призывали к отлучению писателя от Церкви. В феврале 1901 г. по определению Священного Синода писатель был исключен из религиозной общины. Можно сказать, за этим последовала целая череда отлучений:

в XX столетии РПЦ, в том числе и в зарубежье, преданию анафеме подвергла ряд ученых-математиков, писателей, богословов.

Факт отлучения Толстого вызвал бурное негодование общественности, что само по себе подготовило почву для новой идеологии и общественных изменений в начале XX века. Огромная поддержка Льва Николаевича Толстого в русском и мировом сообществе базировалась на доверии к нему как честному мыслителю. Его общественная значимость и авторитет не были следствием протекции со стороны представляющих власть родственников, например, занимавших в 1828–1831 и в 1841–1852 гг. пост Министра внутренних дел А. А. Закревского и Л. А. Перовского, которые приходились Толстому дядьями, поскольку были женаты на двоюродных сестрах родителей писателя (в тот же ряд можно поставить генерала 1812 года Л. И. Депрерадовича, женатого на сестре бабушки Толстого; деверя одной из теток А. И. Юшкова, также генерала 1812 года; брата мужа другой тетки канцлера А. М. Горчакова и др.). Авторитет и поддержку завоевывала борьба писателя против того, что не способствует нравственному прогрессу. Слово Толстого восставало против установившихся противоречий между государственным устройством, принятыми законами и работающими социальными институтами, – он чутко улавливал неустройство в реальном положении вещей и не мог смириться с несправедливостью.

Толстой неустанно критиковал, отвергал и устройство дел в современной ему Церкви. Государственные структуры и Церковь – социальные институты, обладающие властью и силой принуждения. Толстовский дух сопротивления принуждению влиял не только на соотечественников. Он сказался, в частности, на позиции «пророка Калифорнии» Генри Джорджа, посвятившего Толстому свою книгу «Прогресс и бедность» [4, с. 315], и повлиял на труды следующего поколения английских социальных мыслителей, в частности, историка и экономиста А. Тойнби, который пишет: «институты ... никогда не создаются на добровольной основе чистых человеческих согласий. Но если это верно, то институт должен искать себе основу в обычае, подкрепляя себя силой.

Фактически институты – это совершенные отражения нравственного несовершенства человеческой природы ... институты – это средства, ... цель социального наследия, далеко выходящего за временные и пространственные границы всякой отдельной человеческой жизни ... Каждый добрый человек чувствует, что согласно Божией воле он должен употребить свою жизнь во благо других людей, причем не только близких ему людей, но и тех, кто отделен от него временем и пространством. Единственным средством служения этим неизвестным братьям является институт, который переживает каждого отдельного человека» [8, с. 60–62].

Лев Толстой после революций и переворотов в России XX в. стал самым издаваемым писателем (в период с 1918 по 1986 г.). «Революция, – отмечает А. И. Солженицын, – огромное космическое Колесо ... и все люди, включая и тех, которые начинали его крутить, становятся песчинками. Они там и гибнут во множестве» [7, т. 3, с. 321].

Известно, что эталоном искренности для Толстого был Ж.-Ж. Руссо, Лев Николаевич даже носил портрет знаменитого французского просветителя вместо нательного креста. Еще задолго до публикации романа-эпопеи «Война и мир» Толстой записал в своем дневнике: «Каждый исторический факт необходимо объяснить *человечески*» (запись от 17 декабря 1853 г., подчеркнуто Л. Толстым. – А. А.) [10, т. 7, с. 379], и, уже в ответ на критики по поводу «Войны и мира», признавался: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожу надобности выписывать здесь, но на которые всегда могу сослаться» [9, т. 16, с. 13]. По мнению Льва Николаевича, писать можно лишь о том, что хорошо знаешь.

А. И. Солженицын, как и Толстой, признается, что при написании своих произведений главной целью творчества считал достоверность: «Я во все крупные исторические события никаких придуманных героев не ввожу, а просто описываю тех реальных лиц, которые там действительно были. У меня

90% действующих лиц – исторические, крупные или мелкие, но реально тогда существовавшие» [7, т. 3, с. 325–326]. И Солженицын, как и Толстой, пишет лишь о том, что знает не понаслышке.

Первое литературное произведение Л. Толстого, повесть «Детство», принесшая ему известность, появилось в журнале «Современник» в сентябре 1852 г. под редакторским заглавием «История моего детства». Толстой был возмущен тем, что цензура исключила из рукописи многие фрагменты и выражения. Он считал, что повесть тем самым «изуродована до крайности». Но произведение было встречено читателями и критикой с восторгом – Толстой сразу стал для русской публики своим.

Спустя почти век, в 1959 г., немалые цензурные мытарства прошел рассказ «Щ-854. Один день одного зэка» о жизни простого заключенного, выходца из русских крестьян. Вещь была опубликована в ноябре 1962 г. в 11-м номере журнала «Новый мир» под названием «Один день Ивана Денисовича». Для большей значимости и весомости редакция представила рассказ как повесть. Главный редактор журнала Александр Трифонович Твардовский (исключительно благодаря которому, по признанию автора, произведение смогло стать достоянием общественности) видел, что это произведение по политическим мотивам для цензуры «непроходное». Однако сделал все возможное и невозможное для опубликования.

Став благодаря публикации «Одного дня Ивана Денисовича» своим, очень близким в демократичной граждански мыслящей среде, Солженицын, отмечает литературовед-пушкинист В. С. Непомнящий, почти мгновенно стал чужим в среде чиновников от литературы [6, с. 173]. *Чужим* для всех, кто не желал, чтобы была «впервые правда о сталинских лагерях ... явлена всему миру» [2, с. 27]. Зато успех у читающей аудитории был огромен. «Эту повесть о-бя-зан про-чи-тать и выучить наизусть – каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза» [12, т. 2, с. 521]. Это слова Анны Ахматовой, записанные в тексте воспоминаний Л. К. Чуковской так, как Ахматова их произнесла: с ударением на каждом слоге в словах «о-бя-зан про-чи-тать».

Из того многого, что Толстого и Солженицына объединяет, вопреки тому, что жили и писали они с вековым отрывом друг от друга, следует отметить дневниковую подготовительную работу к творчеству. В произведениях обоих писателей оживают образы и время, схваченные в процессе наблюдений за социумом, людьми, повседневностью. Начало своим большим эпическим полотнам оба писателя заложили в своих дневниковых записях.

Время у Толстого неразрывно связано с преддверием судьбоносных событий. Например, в «Войне и мире» картины враждебности, борьбы против наполеоновского нашествия и сцены стремления к согласию сосуществуют, переплетаются. Это сплетение судеб и человеческих волей существует внутри одного государства, общества. Враждебность в облеченном властью социуме, разлад с представителями своего же круга начинается вовсе не с началом Отечественной войны 1812 г., а задолго до этого. Война между Российской Империей и наполеоновской Францией исторически, от момента объявления, продлилась шесть месяцев и два дня. И лишь на небольшой промежуток времени остановила внутреннее противоборство: объединила враждующие кланы, сблизила ненадолго взгляды представителей одного круга, власть предрержащих, людей из разных социальных слоев. Социум в целом получил не только возможность понять глубину наступившей общей беды, но внешне и внутренне почувствовать смысл единства естественно-исторического времени.

В этом смысле мерилем времени (по Толстому, который наблюдает и отображает время и эпоху с позиций нравственности, благопристойности, «комильфотности») оказывается соблюдение этических норм, которые стали или должны быть правилом жизни.

Время в рассказе «Один день Ивана Денисовича», при всей конкретике лагерного распорядка, четко расписанного по часам в сутках, заменено другим понятием – *срок*. Можно сказать, что для Солженицына такое отражение понятия «время» тоже отчасти «дневниковое», испытанное на собственной биографии. Оно не просто измеряет, точнее, хронометражно отмеряет, как в кино, продолжительность обстоятельств жизни. Оно

публицистично. Рассказ начинается с фразы: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъем – молотком об рельс у штабного барака» – и завершается точным указанием времени, отведенного на выживание в каждодневной борьбе заключенного за свою физическую сохранность: «Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось...». Наказание и лагерное заключение изначально отмерены как конкретный промежуток времени. Узник Щ-854 знает его точное цифровое обозначение – 3653 плюс 3, день ото дня он отсчитывает сокращение *срока*, до завершения которого «ему не дожить» (это же 10 лет!). И каждый прожитый день есть победа над уготованной ему долей. *Сроком*, которую власть назначила заключенному (на самом деле, простому мастеровому, крестьянину и солдату) Ивану Денисовичу.

В отличие от внутреннего мира героев Толстого, писателя, всегда показывающего работу души и воспринимающего отсутствие такой работы как омертвление (статичность – свойство, как правило, отрицательных персонажей), «нутряной» мир Ивана Денисовича не меняется. Герой рассказа Солженицына *переживает срок*. Его внутренний голос выражает прежде всего заботу о сохранении жизни физической («заключенным часов не положено, время за них знает начальство»). Он рад, что минул еще один день жизни в неволе; что завтра будет возможность отсчитать следующий день (и так все дни испытаний – до истечения срока). Это значимо, и не дает перепутать Ивана Денисовича с персонажами другого писателя-лагерника, В. Шаламова, у которых жизнь в лагере искалечивает как тело, так и душу (человек перестает быть собой).

Л. Н. Толстого несколько раз номинировали на Нобелевскую премию по литературе (в 1902, 1903, 1904 и 1905 гг., от дальнейших номинаций, он отказался). Выдвижение на эту высокую литературную премию А. И. Солженицына состоялось, по предложению французского писателя Ф. Мориака, «за нравственную силу, с которой он следовал *непреложным традициям русской литературы*» (курсив

наш – А. А.). Он был назван Нобелевским лауреатом в 1970 г., но получить денежную премию смог лишь после высылки из СССР, спустя четыре года.

Лев Толстой построил коллизию последнего своего романа «Воскресение» на ошибке таких «вершителей судеб», как присяжные заседатели в суде. Тут время – отрезок жизни, судьбоносный для Катюши (до того, как Нехлюдов встретился в качестве присяжного заседателя с подсудимой Масловой), и время, соответствующее развитию жизни и сознания героев после приговора. Четыре года каторги в Сибири, назначенные в результате тривиальной судебной ошибки, становятся пожизненным приговором для Нехлюдова, как ни стремится он исправить совершенную им в молодости роковую ошибку.

Солженицынские десять лет Ивана Денисовича против четырех Масловой, как, впрочем, и впечатления Ф. М. Достоевского, отбывшего четыре года в Омском остроге (1850–1854) и создавшего «Записки из Мертвого дома», наверное, многие назовут не сопоставимыми: и социум другой, и власть, и время... Но душевные переживания Нехлюдова, тяга к перерождению, внутреннему обновлению, которое он почувствовал благодаря Нагорной проповеди, наводят на другой путь мысли. В основе всех этих произведений лежит некая общая коллизия и представлены два разных полюса жизненного смысла. С одной стороны, мы видим облеченных властью лиц, органы власти держащей, от которой страдают жертвы несправедливых законов (к подобным широко распространенным литературным сюжетам институты власти, естественно, во все времена относятся с подозрением), а истинное признание таких произведений приходит с другой стороны, из народных слоев. И зачастую осознание их ценности и христианского смысла вызревает не сразу.

Для своей эпохи Толстой в каком-то смысле был, как и Солженицын для советского строя, диссидентом (лат. *dissidens* – «несогласный»). В своем инакомыслии он формировал и отстаивал взгляды, расходящиеся с общепринятыми этическими правилами, с установленными властью законами. Толстой стал после

решения Священного Синода изгнанником обеих властей – и церковной, и светской. После публикации романа «Воскресение» смысл его статей стал восприниматься гораздо острее. «...Обсуждался вопрос о том, как поступить с писателем-“бунтовщиком”... некоторые из разгневанных сановников предлагали объявить народу, что Толстой сошел с ума, и упрягать его в далекий Суздальский монастырь»; Льву Николаевичу, свидетельствует двоюродная тетка писателя, камер-фрейлина императорского двора А. А. Толстая «предсказывали Сибирь, крепость, изгнание из России, чуть ли даже не виселицу» [5, с. 45].

Примечательно, что дочь и единомышленница Льва Николаевича Александра Львовна Толстая основала Толстовский фонд за рубежом с целью помощи русским беженцам и эмигрантам, волею судеб выброшенными за пределы своей родины. «Среди тех, кому помог Толстовский фонд, были писатели Бунин, Мережковский, Ремизов, Зайцев, Шмелев, позднее Солженицын, дочь Сталина Светлана Аллилуева и др.» [1, с. 506].

Толстой, которого православные иерархи изгнали в 1901 г. из лона своей церкви (тоже «государства» в государстве), не стал нехристианином. Солженицын сделался изгнанником после выхода в свет «Архипелага ГУЛАГ» (1974), но не стал человеком без родины, которую он, даже будучи в эмиграции, не предал и не покинул. Просто решением властей человека выдворили из страны «в административном порядке» и лишили гражданства, о чем было напечатано сообщение в одной из центральных газет («Известия» от 15.02.1974).

Использованная литература:

1. Лев Толстой и его современники: Энциклопедия. М.: Парад, 2010.
2. Кормилов С. И. «Мы забыли, что такие люди бывают»: Ахматова и Солженицын // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 25–29.
3. Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1 (1904–1905). М.: Наука, 1979.
4. Морот Л. Душа эпохи // Лев Николаевич Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1978. С. 315–319.
5. Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М.: Современник, 1975.
6. Непомнящий В. С. Солженицына надо заслужить // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели,

Как справедливо отметила в своей работе о языковой личности Солженицына Е. Ю. Третьякова, «вертикаль христианских ценностей придает “тягу вверх” суждениям Солженицына о смысле жизни и свободы, об ответственности, самоограничении и раскаянии. И радость обновления писатель понимает как деятельное вживание в плоть бесконечно обширных и глубоких связей человека с родиной. Аккумулируя силу сопротивления встречным потокам, готовым разорвать человека на части, эта энергия (по пояснению автора, энергия – “воздействие картины мира, заключенной в том или ином языке, на когнитивную и практическую деятельность ее носителей” [11, с. 593]) действительно противостоит дроблению потока истории и дроблению личности» [11, с. 597].

И если для Толстого время – это прежде всего люди, наделенные или не наделенные властью, и «*comme il faut*» людских поступков, то для Солженицына время – это срок (заключения, жизни), который человеку отводится стоящей над социумом властью, жестко диктуемыми ею условиями. Причем *отбывается срок* обеими сторонами: и жертвами (рядовые граждане), и надзирателями-диктаторами-палачами (сама власть).

В силу несовершенства взаимоотношений между властными структурами и обществом, регламентированные законом порядки зачастую не принимались социумом, так как нарушали утверждаемые христианской моралью и философией нравственности законы мира и добра. Солженицын и Толстой обнажали эту несовместимость, указывая на причины противостояния.

References:

1. *Lev Tolstoy i ego sovremenniki* [Leo Tolstoy and His Contemporaries]: *Encyclopedia*, Moscow: Parad, 2010.
2. Kormilov, S. I., “*My zabyli, chto takiye lyudi byvayut*”: Akhmatova i Solzhenitsyn [“We Have Forgotten That There Are Such People”: Akhmatova and Solzhenitsyn], *Literaturnoye obozreniye*, 1999, no. 1, pp. 25–29.
3. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 90, part 1: 1904–1905 [1904–1905], Moscow: Nauka, 1979.
4. Morot, L., *Dusha epokhi* [The Soul of the Epoch], in *Lev Nikolayevich Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov* [Leo Tolstoy in the Memoirs of Contemporaries], in 2 vols., vol. 2, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978, pp. 315–319.

критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005.

7. Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. Ярославль: Верхняя Волга, 1997.

8. Социальная философия: в 3 т. Т. 2. М.: Высшая школа, 1994.

9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 16. М.: Художественная литература, 1955.

10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981.

11. Третьякова Е. Ю. Портрет языковой личности А. И. Солженицына как комплексная проблема // А. И. Солженицын: русская и национальные литературы. Ереван: Лусабац, 2018. С. 589–598.

12. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1997.

5. Lomunov, K. N., *Leo Tolstoy v sovremennom mire* [Leo Tolstoy in the Modern World], Moscow: Sovremennik, 1975.

6. Nepomnyashchiy, V. S., Solzhenitsyna nado zaslužit' [Solzhenitsyn Should Be Earned], in *Mezhdudvumya yubileyami (1998–2003): Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A. I. Solzhenitsyna*, Moscow: Russkiy put', 2005.

7. Solzhenitsyn, A. I., *Publitsistika* [Publicism], in 3 vols., vol. 3, Yaroslavl: Verkhnyaya Volga, 1997.

8. *Sotsial'naya filosofiya* [Social Philosophy], in 3 vols., vol. 2, Moscow: Vysshaya shkola, 1994.

9. Tolstoy, L. N., *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works], in 90 vols., vol. 16, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1955.

10. Tolstoy, L. N., *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], in 22 vols., vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981.

11. Tretyakova, E. Yu., Portret yazykovoy lichnosti A. I. Solzhenitsyna kak kompleksnaya problema [Portrait of the Linguistic Personality of Alexander Solzhenitsyn as a Complex Problem], in *A. I. Solzhenitsyn: russkaya i natsional'nyye literatury*, Yerevan: Lusabats, 2018, pp. 589–598.

12. Chukovskaya, L. K., *Zapiski ob Anne Akhmatovoy* [Notes on Anna Akhmatova], in 3 vols., vol. 2, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1997.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Амирханян, А. М. А. И. Солженицын и Л. Н. Толстой: этатистские категории в свете христианских ценностей [Электронный ресурс] / А. М. Амирханян // Наследие веков. – 2018. – № 4. – С. 13-20. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/12/2018_4_Amirkhanyan.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Amirkhanyan, A. M., A. I. Solzhenitsyn i L. N. Tolstoy: ehtatistskie kategorii v svete khristianskikh tsennostey [Alexander Solzhenitsyn and Leo Tolstoy: Statist Categories in the Light of Christian Values], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 4, pp. 13-20. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/12/2018_4_Amirkhanyan.pdf. Accessed Month DD, YYYY.